

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ 1).

На протяженіи всего почтоваго тракта нѣтъ жилья, если не считать за таковое почтовыхъ станціи. Всѣ онѣ устроены по одному шаблону и обитатели ихъ состоятъ изъ почтосодержателя-казака или киргиза, его семьи, писаря и нѣсколькихъ ямщиковъ-киргизъ. Почти около каждой станціи почтосодержатели имѣютъ незначительныя запашки. Хлѣбъ въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ станцій родится хорошо, а есть и такія мѣста, которыя даютъ прекрасныя урожаи. Къ особенно урожайнымъ мѣстамъ слѣдуетъ отнести окрестности ст. Джурги. Будь во всѣхъ этихъ мѣстахъ вода — онѣ могли бы быть житницею всего края. Почва здѣсь очень часто лѣсовая и безъ воды она остается мертвымъ капиталомъ. Но откуда взять воды? Въ озерѣ ея, конечно, много, но пословица говоритъ: «и близко къ локоть, да не укусишь». Такъ и тутъ: изъ озера, занимающаго самую низкую

1) См. № 6; «Воен. Сб.».

часть долины, нельзя поднять воду и заставить ее орошать почву. Единственная надежда на Тарбагатай, съ вершинъ котораго ниспадаютъ многіе ручьи и рѣчки въ Зайсанскую долину, {но всѣ они, какъ-то: Базаркэ, Бурхонкэ, Тамырсыкъ, Джорга и многіе другіе, далеко не доходятъ до озера, т. к. воды ихъ разбираются по арыкамъ киргизами почти у подножій Тарбагатая и только лишь въ весенее половодье они обильно наполняютъ свои русла водою и не только тогда доносятъ свои воды до озера, но и затопляютъ ими участки пути на протяженіе многихъ верстъ. Ъхать въ это время по тракту не совсѣмъ пріятно, такъ какъ медленное передвиженіе «по морю, аки по суху» на цѣлыя десятки верстъ, съ постояннымъ рискомъ застрять въ грязи или выкупаться въ какой-нибудь незамѣтной колдобинѣ особеннаго удовольствія представить не можетъ.

Какъ помочь горю? Какъ оросить эту прекрасную и жирную почву и сдѣлать ее плодородною? Повидимому, это возможно сдѣлать, но только не такъ скоро. Все зло заключается въ томъ, что Тарбагатайскій хребетъ совершенно лишенъ древесной растительности, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что лѣсъ на немъ не можетъ расти. Попадаются и на немъ въ иныхъ мѣстахъ кустарники. Конечно, искусственное и регулярное древонасажденіе потребуетъ затраты огромнаго труда и капиталовъ, которые хотя и окупятся, но не иначе, какъ въ очень отдаленномъ будущемъ; все же, намъ кажется, что возможно, путемъ постепеннаго древонасажденія, хоть отчасти облѣснить Тарбагатай и его безмолвныя пустынные долины. Быть можетъ не окажется ли для этого полезнымъ вотъ какой пріемъ, который не потребуетъ рѣшительно никакихъ денежныхъ затратъ, а пользу принести можетъ. Если вы поѣдете въ Тарбагатай, то почти на каждомъ шагу встрѣтите въ горахъ киргизскія могилы (объ нихъ я скажу своевременно нѣсколько подробнѣе). Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что, если приказать киргизамъ садить около своихъ могилъ деревья, то они и будутъ ихъ садить, будутъ даже и ухаживать за ними и, смотришь, черезъ десятокъ другой лѣтъ, въ горахъ появится растительность, которая, конечно, съ каждымъ годомъ будетъ все увеличиваться, потому что къ искусственнымъ насажденіямъ будутъ прибывать деревья, взращенныя вслѣдствіе самосѣя. У подножія Тарбагатая много арыковъ; если по ихъ берегамъ учинить посадки, то польза отъ этого будетъ огромная. Откуда же взять деревья? И этому горю можно помочь.

Въ Зайсанѣ, насколько извѣстно, есть сельскохозяйственная школа и при ней ничего не будетъ стоить развести питомники. Конечно, важенъ первый починъ, а тамъ уже дѣло, быть можетъ, наладится и, смотришь, лѣтъ черезъ сто, зазеленѣютъ склоны этого оголенного хребта и потекутъ тогда съ этихъ склоновъ обильныя воды на долину, почву которой по всѣмъ направленіямъ будетъ рѣзать плугъ для того, чтобы возростить колосья на тучныхъ и упитанныхъ влагоунивахъ. Въ настоящее время возможно оросить арыками сѣверо-западную часть долины, покрывъ ее сѣтью арыковъ изъ Какпектинки и нѣкоторыхъ лѣвыхъ притоковъ Иртыша; затѣмъ восточный уголокъ долины можетъ быть тоже орошенъ арыками, кои придется вывести изъ р.р. Уйдене, Кендерлыка и другихъ, но на все нужны огромныя затраты труда и капиталовъ.

Вотъ станція Тайджузгенъ, отъ которой рукой подать до озера: всего только верстъ 10—12. Озеро Зайсанъ представляетъ собою уширеніе р. Иртыша, который разлилъ здѣсь по широкой и неглубокой котловинѣ свои воды и, наполнивъ такимъ образомъ эту котловину водою, самъ продолжаетъ свой дальнѣйшій путь, слѣдуя черезъ Устькаменогорскъ, Семипалатинскъ и далѣе къ сѣверу. Длина озера доходитъ до 100 верстъ, ширина—до 25 верстъ, глубина, по словамъ рыбаковъ, не превышаетъ 20 сажень. Въ общемъ же озеро мелководно настолько, что въ бурю опасно по немъ плавать не потому, что судно можетъ опрокинуться, а потому, что волна можетъ ударить его о дно: подниметь, а потомъ опустить такъ, что оно, съ размаха, хватится о дно и, конечно, разползется по всѣмъ швамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ живущіе на берегу озера рыбаки. Дорога къ озеру совершенно ровная и можно удобно прокатиться и посмотреть его. Подѣзжая къ нему, вы увидите огромныя заросли камыша, который стѣной выстроился вдоль берега и занялъ громадное пространство. Не думайте, что этотъ камышъ никѣмъ не обитаемъ—въ немъ живутъ цѣлыя стада кабановъ, встрѣча съ которыми не всегда, конечно, можетъ быть желательной. За камышами тянется въ озеро длинная и тонкая песчаная отмель; версты на двѣ-на три протянулась она въ длину, да на сотню-другую сажень въ ширину. Это, такъ называемый, «Топольный мысъ», такъ сказать центръ цивилизаціи, которая успѣла проникнуть въ этотъ отдаленный уголокъ. Тутъ есть и рыбацкій поселокъ того же имени, пріютившійся на самомъ концѣ мыса. Сюда къ этому поселку лѣтомъ иногда заходитъ пароходъ

«Святой Ключъ»; привозить онъ съ собой баржу, нагружаетъ на нее до 10.000 пудовъ кожъ и шерсти (единственные пока продукты вывоза изъ этихъ мѣстъ) и отвозитъ все это въ Семипалатинскъ, откуда этотъ материалъ идетъ въ Тюмень для надлежащей разработки.

Хаты рыбачьяго поселка на Тополевомъ мысу устроены изъ фашинь, сплетенныхъ изъ камыша. Фашины сложены на подобіе бревенъ, обмазаны снаружи и внутри глиной и хата готова. Пословица «голь на выдумки хитра» очень примѣнима въ данномъ случаѣ. И дѣйствительно, лѣса нѣтъ: изъ чего строить хаты, какъ не изъ камыша.

Если будете на Тополевомъ мысу, остановитесь въ хатѣ у Матрены Семеновны: пресимпатичная старуха, окруженная огромной семьей, начиная отъ старыхъ до малыхъ. Мужъ у нея чловѣкъ «лишенный поступковъ» и, вѣроятно, сознавая свою особенность, онъ проводитъ все время въ спаньѣ, валяясь то на своихъ перинахъ подъ пологомъ въ хатѣ, то на деревянныхъ доскахъ въ сѣняхъ. Когда бы вы ни проходили мимо него, вы всегда застанете его за этимъ милымъ и полезнымъ для тѣла и души занятіемъ, причѣмъ иногда вы видите его «занимающимся» на правомъ, иногда на лѣвомъ боку, иногда на спинѣ, а иногда на животѣ. Последнюю позу онъ, вѣроятно, считаетъ самой тяжелой, а потому рѣдко къ ней прибѣгаетъ. Этотъ чловѣкъ въ лѣтахъ уже очень почтенныхъ; онъ малъ ростомъ, очень любитъ носить всклокоченную и взлохмаченную прическу и непрѣнно наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы въ волосахъ была солома, сѣно или вообще какая-нибудь дрянь, считая, вѣроятно, наличность таковой за украшеніе. Онъ очень добръ, о чемъ вы можете заключить уже потому, что во время сна онъ всегда раскрываетъ свой ротъ, предоставляя его въ полное распоряженіе мухъ, которыя цѣлыми роями находятъ тамъ помѣщеніе, несмотря на сильный храпъ со свистомъ, который все время извергается изъ его бездны.

Весь домъ держится на Матренѣ Семеновнѣ, женщинѣ очень энергичной, до извѣстной степени даже образованной и чрезвычайной охотницѣ покалякать о томъ и о семь. Она съ радостью поставитъ и подастъ вамъ огромный самоваръ, напечетъ жирныхъ и вкусныхъ «шанежекъ», принесетъ вамъ густыхъ, желтыхъ сливокъ, приготовитъ вамъ уху, достанетъ вамъ, если уже такъ захотите, и водочки и, въ то время, когда вы будете «кушать», она будетъ стоять

туть же, угощая васъ съ особеннымъ одушевленіемъ то тѣмъ, то другимъ, и все время рассказывая вамъ про свое житье-бытье, рисуя при этомъ въ яркихъ краскахъ и радости и печали какъ своей жизни, такъ и жизни всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми ей приходилось сталкиваться на своемъ вѣку. Да, интересная эта женщина Матрена Семеновна. Обязательно заѣзжайте къ ней, когда будете на Тополевомъ мысу; теперь такихъ, какъ она, не вездѣ найдете.

«Накушались?» спроситъ она у васъ, когда замѣтитъ, что вы начинаете отирать потъ съ лица. «А то бы еще стаканчикъ чайку съ шанежкой выкушали-бы: съ дороги то поди-ка устали», добавитъ она самымъ задушевнымъ тономъ, но вы уже и безъ того такъ накушались, что васъ начинаетъ клонить ко сну.

Матрена Семеновна и это замѣтитъ и выразитъ полную готовность взбить вамъ тѣ самыя перины, съ которыхъ она только что успѣла удалить своего добросердечнаго мужа, который уже снова усилъ захрапѣть на доскѣ въ сѣняхъ. Она очень удивится, когда вы, отказавшись отъ ея перинъ, предпочтете развалиться на полу, подославъ подъ себя бурку, но, чтобы все же предоставить вамъ возможный покой, она пойдетъ и сама закроетъ ставни въ небольшихъ окошечкахъ и, сдѣлавъ это, снова зайдетъ къ вамъ и скажетъ: «спите себѣ съ Богомъ на холодкѣ да на прохладѣ — и муха васъ теперь не потревожитъ». Часика два-три вы дѣйствительно поспите, а потомъ можете пройтись по поселку и посмотрѣть, какъ живутъ въ немъ люди и что дѣлають.

Вотъ передъ вами нѣчто подобное улицѣ, по обѣимъ сторонамъ которой какъ бы вросшія на половину убогія хатенки изъ камыша; окна ихъ почти касаются земли; въ нѣкоторыхъ стоятъ горшечки съ «иранью», а нѣкоторыя закрыты ставнями. Это все дома рыбаковъ. Бѣдны и убоги эти дома. Неоплачивается теперь каторжный трудъ рыбака такъ, какъ онъ оплачивался еще сравнительно не такъ давно, когда въ озерѣ ловилась и осетрина, и стерлядь, и нельма. Теперь этой рыбы почти нѣтъ, а вмѣсто нея не угодно ли получить карасей, правда очень крупныхъ и жирныхъ, да щукъ. Объ осетрахъ же и стерлядяхъ говорятъ здѣсь либо какъ о пріятномъ воспоминаніи, либо какъ о какой нибудь рѣдкости. Что же за причина всему этому? О таковой самое лучшее распросите у самихъ рыбаковъ, которыхъ вы можете встрѣтить на берегу. Вотъ, на примѣръ, группа изъ трехъ человѣкъ. Подойдите къ ней и поговорите. Это

все пришлый народъ. Пришли они сюда изъ подъ Устькаменогорска на заработки, но вышло по ихъ словамъ такъ, что денегъ и полушки не заработали, а «прохарчились» такъ, что скоро и «сапоги съѣсть придется». Лица у нихъ настолько симпатичны, что у васъ является желаніе съѣсть и поговорить съ ними. Они тоже не прочь немного отдохнуть отъ работы, которая заключается въ нагрукѣ небольшого баркаса вяленой и соленой рыбой. Раскуриваются «цыгарки и лапки» и разговоръ начинается. Больше всѣхъ говорить молодой плечистый мужикъ съ черной окладистой бородой и съ длинными волосами, подстриженными въ скобку; другой, парень лѣтъ 18, слушаетъ и время отъ времени сплевываетъ на сторону. Третій, совсѣмъ плюгавый на видъ человѣкъ, съ какой то вѣчно счастливой, дѣтской улыбкой на лицѣ съ копнами длинныхъ, нечесанныхъ волосъ, выбивающихся изъ подъ дыряваго картуза, и въ необыкновенно большихъ сапожищахъ—оказывается бывшимъ солдатомъ, отслужившимъ давно уже службу и призывавшимся въ прошлую «либизацію» (мобилизацію). Онъ повидимому и самъ относится съ глубокой ироніей къ своему бывшему званію и, говоря вамъ про то, что былъ когда то солдатомъ и призывался въ мобилизацію, улыбается при этомъ такъ, какъ будто-бы хотеть сказать вамъ: «ну ужъ сами видите какой бы изъ меня солдатъ вышелъ». Его два товарища, оцѣнивъ вполне его пригодность тянуть солдатскую лямку, добродушно иной разъ подсмѣиваются надъ этимъ, хотя открыто ему объ этомъ не высказываютъ.

И вотъ эти три человѣка могутъ вамъ рассказать очень много интереснаго про современное состояніе рыболовнаго дѣла на Зайсанѣ. Они откроютъ вамъ даже и причину, почему перестала въ озерѣ ловиться красная рыба; они расскажутъ вамъ при этомъ, какъ про какое то чудо, о томъ, что годъ тому назадъ одному изъ рыбаковъ посчастливилось поймать 8-пудоваго осетра и что объ этой диковинѣ говорятъ даже и у нихъ подъ Устькаменогорскомъ; они, въ живыхъ и яркихъ краскахъ, нарисуютъ вамъ картину гибели дѣлой артели рыбаковъ, которые осенью, по еще некрѣпкому льду, направились ловить рыбу и, когда они отошли далеко отъ берега, поднялась буря, взломала тонкій ледъ и унесла всѣхъ рыбаковъ «въ море», откуда они уже и не вернулись («потопли»); они расскажутъ вамъ много интереснаго изъ жизни рыбаковъ и изъ всѣхъ ихъ рассказовъ вы, если захотите, можете написать книгу и ее будутъ читать съ интересомъ.

По ихъ словамъ, да и вообще по словамъ всѣхъ рыбаковъ, живущихъ на Тополевомъ мысу, причина прекращенія лова красной рыбы слѣдующая: эта рыба (осетръ, таймень, нельма и стерлядь) имѣетъ какую-то инстинктивную способность подниматься вверхъ по рѣкамъ для метанія икры. Цѣлыми стадами устремляется эта рыба вверхъ по Черному Иртышу передъ началомъ метанія икры, какъ по единственной большой рѣкѣ. Дойдя до верховьевъ этой рѣки, рыба мечетъ тамъ икру и затѣмъ снова стремится внизъ—на просторъ—въ озеро. Но вся суть въ томъ, что верстахъ въ 80 отъ озера проходитъ китайская граница и жители сосѣдней съ нами территоріи очень ловко воспользовались этимъ инстинктивнымъ стремленіемъ рыбы въ верховья рѣкѣ. Имъ стоило только устроить поперекъ Иртыша такую загородку, которая могла бы открываться когда начинается ходъ рыбы вверхъ (пожалуйте, молъ, къ намъ) и закрываться тогда, когда рыба идетъ обратно. Такъ они и сдѣлали и вполнѣ достигли своей цѣли. Рыбаки говорятъ, что, когда начинается обратный ходъ рыбы, то она будто-бы въ такихъ густыхъ массахъ собирается у запертой загородки, что, если ткнуть въ воду палкой, то послѣдняя, пожалуй, будетъ держаться стоймя. Тѣ же рыбаки, всѣ въ одинъ голосъ, называли по имени одного головорѣза киргиза, который, узнавъ о такой хитрой продѣлкѣ нашихъ сосѣдей, отправился одинъ на челнокѣ вверхъ по Иртышу, ночью подплылъ тихонько къ загородкѣ и, сломавъ таковую, выпустилъ всю рыбу, послѣ чего она прѣблагополучно прослѣдовала въ озеро. Китайцы за такую продѣлку даже хотѣли убить этого молодца, но убить до сихъ поръ не убили, а вмѣсто деревянной загородки поставили будто бы желѣзную, да къ тому же и караулъ на берегу Иртыша учредили, который и обязанъ бдѣть. Вотъ почему въ озерѣ перевелась рыба. Провѣрить все то, что пришлось по этому поводу слышать, къ сожалѣнію, не удалось за неимѣніемъ времени, но, повидимому, ничего нѣтъ невѣроятнаго во всемъ этомъ. Кажется, нѣчто подобное нѣмцы устроили у себя на Вислѣ; отчего же китайцамъ, или монголамъ не соорудить того же и на Иртышѣ? Но если это такъ, то нетрудно въ данномъ случаѣ оградить свои интересы: для этого стоитъ только поставить такую же загородку на нашей территоріи, гдѣ либо близъ устья Чернаго Иртыша, чтобы совсѣмъ не пускать рыбу въ эту рѣку, а предоставить ей возможность метать икру во многихъ рѣчкахъ, текущихъ по нашей территоріи (Какпектинка, Кендерлыкъ и другія).

Въ настоящее же время множество рыбаковъ, которые прежде очень недурно вели свои дѣла, окончательно раззорились вслѣдствіе этого рыбнаго оскудѣнія; они распродали всѣ свои рыболовныя принадлежности, бросили свои хатенки и ушли отсюда невѣдомо куда; съ каждымъ годомъ число рыбаковъ на Тополевомъ мысу все убываетъ и убываетъ и надо думать, что если обстоятельства почему либо не измѣнятся кореннымъ образомъ, то этотъ рыбацкій поселокъ совсѣмъ перестанетъ существовать.

А вотъ, тутъ же на берегу озера, покрытая брезентами, огромная гора какихъ-то товаровъ. Это пунктъ, куда пристаеъ пароходъ, а подъ брезентами сложены сырая кожи и шерсть («джебага»). Стережетъ это добро дѣдъ, представляющій изъ себя маленькаго коренастаго человѣчка, живущаго тутъ же со своей 5-лѣтней внучкой въ тюкахъ, между которыми онъ устроилъ себѣ нѣчто вродѣ пещеры. Дѣду уже 70 лѣтъ, а на видъ ему и 50 не дадите; онъ вѣчно бодръ, вѣчно оживленъ, вѣчно хлопочетъ около ввѣреннаго ему добра и въ то же время готовъ, хоть цѣлый день, рассказывать вамъ про свои скитанья по бѣлу свѣту, причемъ всѣ эти рассказы онъ умѣетъ пересыпать такой остроумной солью, такъ тонко наблюдаетъ и остритъ, что вамъ безъ конца хочется слушать старика, а слушая невольно приходится удивляться, откуда что у человѣка берется. Получаетъ онъ всего только три рубля въ мѣсяць и на эти деньги прокармливаетъ себя и внучку и умѣетъ сохранить постоянную бодрость и веселость, да еще въ состояніи и другихъ ободрить и развеселить. Да, это самородокъ въ полномъ смыслѣ слова. Поѣзжайте къ дѣду: личность замѣчательная. Онъ всегда босъ, ходитъ въ грубыхъ парусиновыхъ портахъ и въ старомъ рыженькомъ казакинѣ, а на головѣ носитъ военную фуражку съ краснымъ околышемъ, подаренную ему какимъ то солдатомъ. Питается онъ чѣмъ Богъ послалъ. То застрѣлитъ утку на озерѣ и сваритъ ее въ котелкѣ, а то и просто попьетъ чайку съ хлѣбцемъ—и сытъ. Онъ охотникъ и единственная собственность, съ которой онъ не расстаеъся, это старое ржавое ружье, перевязанное во многихъ мѣстахъ веревочками и ремешками. «Ха-ар-рошее ружье», будетъ выхвалять его вамъ дѣдъ, какъ свою единственную драгоценность.

А заговорите съ нимъ про тѣ самые товары, которые онъ такъ рачительно сторожитъ, и онъ тогда пустится въ такія разсужденія, слушая которыхъ, вы подумаете, что онъ знакомъ со взглядами уче-

ныхъ экономистовъ; онъ разовѣетъ передъ вами картину оскудѣнія тысячи людей, которые занимались прежде извозомъ и у которыхъ отбилъ совершенно всякій заработокъ этотъ приходящій сюда, время отъ времени, пароходъ, забирающій десятки тысячъ пудовъ груза, подсмѣется попутно съ этимъ надъ той спѣшкой и суетолокой, которая мало-по-малу охватываетъ теперь все человѣчество и которая не ускользнула, конечно, отъ вниманія многихъ лучшихъ умовъ, когда либо жившихъ на землѣ; укажетъ вамъ на безконечный просторъ всюду и на неумѣніе человѣка пользоваться этимъ просторомъ: словомъ, разовѣетъ передъ вами цѣлую философскую систему, творцомъ которой является, конечно, онъ самъ, такъ какъ нигдѣ онъ не могъ прочитать о всемъ этомъ въ книгахъ, потому что безграмотенъ. И почему знать, живи этотъ старый дѣдъ во времена Сократа, онъ, подобно этому философу, быть можетъ, обезмертилъ бы свое имя.

Если вы заговорите съ дѣдомъ по поводу оскудѣнія рыбныхъ промысловъ на Зайсанѣ, то тутъ онъ выскажетъ вамъ очень много горькихъ истинъ по адресу нашей халатности и неумѣнія толково пользоваться тѣмъ добромъ, которое нерѣдко щедро рукою даетъ намъ природа. «Это точно», скажетъ онъ: «и я слышалъ, что на Черномъ Иртышѣ есть загородка, которая держитъ, стало быть, рыбу, да только не въ этомъ дѣло-то, а коли-бы нашъ рыбакъ былъ-бы поумнѣй, такъ и рыба у него не переводилась-бы, а то, посудите самъ—что годовъ 20 тому назадъ тутъ творилось, такъ и не дай тебѣ Богъ—одна срамота: поѣдутъ это бывало рыбаки на море, наловятъ тьму тьмущую вонъ эстолькихъ осетровъ да стерлядей и почнутъ икру изъ нихъ выпущать; икру-то, стало быть, выпустятъ, а саму рыбу тутъ же на берегу пошвыряютъ—вотъ какіе безобразники были. Да чего далеко ходить и теперь вонъ цѣлыми мотнями маленькихъ стерлядокъ изъ воды тянуть, а какой съ нея прокъ, коли она вершка въ три ростомъ; ни скусу въ ней, ни проку—одинъ изводъ. Ты ее въ воду то, малую, пусти, такъ, черезъ годъ другой, изъ нея большая рыбина выйдетъ—тогда ее и бери. Вотъ такъ то оно и есть—когда бы сами то за собой доглядывали, такъ безъ рыбы теперь не сидѣли бы, потому коли Богъ тебѣ что препоручилъ, такъ ты это хранить должонъ, а не такъ, какъ какой нибудь варнакъ—тащить да грабить».

На берегъ временами приходитъ и владѣлецъ всѣхъ сложенныхъ здѣсь въ бунты товаровъ—зайсанскій купецъ-татаринъ.

Этотъ, прежде всего, бросить вамъ пыль въ глаза, пояснивъ, что онъ ведетъ большіе торговые обороты—чуть-ли не на сотни тысячъ. Товаръ этотъ онъ возитъ каждый годъ въ Тюмень и тамъ продаетъ на кожевенные заводы; шерсть-же оттуда, вѣроятно, идетъ въ Россію, потому что хорошихъ заводовъ этой категоріи, какъ кажется, не только въ Тюмени, но и во всей Сибири нѣтъ. И вотъ тутъ, слушая эти разговоры о подобномъ совершенно непроизводительномъ путешествіи товара, задайте этому господину купцу вопросъ, почему онъ не тряхнетъ своими сотнями тысячъ и не устроить хотя-бы тутъ-же около Зайсана хорошаго кожевеннаго и суконнаго завода; начните ему пояснять всю пользу отъ такого предпріятія, доказывайте ему о томъ, что потребность въ хорошо выдѣланной кожѣ здѣсь очень большая, а въ хорошихъ шерстяныхъ издѣліяхъ, приноровленныхъ ко вкусамъ русскихъ и инородцевъ (хотя бы на примѣръ верблюжье сукно), и еще того больше и, въ концѣ концовъ, вы замѣтите на лицѣ этого купца какъ бы недоумѣніе, которое смѣнится потомъ нерѣшительностью. Сначала онъ какъ бы уцѣпится за вашу мысль, но когда вы ему начнете говорить, что для того, чтобы дѣло пошло, необходимо сразу ставить заводъ на прочныя основанія, обезпечить его машинами и всѣмъ инвентаремъ и, главное, не позабыть выписать хорошаго и надежнаго мастера, которому придется платить и хорошія деньги, то господинъ купецъ сразу «впадетъ въ трансъ» и застынетъ съ выраженіемъ нерѣшительности на своемъ жирномъ и гладкомъ лицѣ. Ему станетъ жалко денегъ на эту затѣю и онъ, если-бы хорошо владѣлъ русской рѣчью, то навѣрно бы отшутился отъ васъ какой-нибудь пословицей—вродѣ: «и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ», но, не зная этихъ прибаутокъ, онъ съ мѣста начинаетъ пороть вамъ невозможную гиль, выкладывая вмѣстѣ съ симъ передъ вами голую правду и выдавая вполнѣ свою непростительную косность. Какъ наиболѣе вѣсскій аргументъ онъ выставитъ передъ вами то обстоятельство, что и отецъ его и дѣдъ вели это дѣло также, какъ и онъ ведетъ, и нажили, слава Богу, капиталъ; такъ зачѣмъ-же онъ будетъ мѣнять то, что уже установилось временемъ. Нѣтъ онъ лучше каждый годъ будетъ ѣздить на тюкахъ прокислой кожи въ Тюмень и жить тамъ по полугоду, кланаясь разнымъ торговцамъ, чтобы купили скорѣе его товаръ, будетъ жить тамъ и тратить совершенно непроизводительно деньги, а рискнуть нажитымъ капиталомъ не рѣшится. И вы отойдете отъ этого господина съ грустью, не зная

совершенно гдѣ и какъ найти тотъ импульсъ, который вывернулъ-бы на изнанку и очистилъ бы все это внутреннее убожество, покрытое еще корой грубости и невѣжества въ утробахъ многихъ здѣшнихъ представителей торговаго міра.

Нѣтъ съ дѣдомъ говорить лучше: около него какъ то теплѣе и радостнѣе, и вы снова идете къ дѣду, который предложитъ вамъ напиться съ нимъ чаю изъ его старой деревянной чашки. Вы садитесь, калякаете съ нимъ до тѣхъ поръ, пока не начнетъ туманиться далекій Сауръ, кутаясь мало по малу въ фіолетовое покрывало. Вотъ онъ уже и совсѣмъ скрылся, погрузившись въ сонъ. Исчезли силуэты Монраки и Тарбагатая, зажглись на небѣ звѣзды, засвѣтились огоньки на рыбацкихъ баркасахъ, отражаясь въ неподвижной свинцовой водѣ. Чуть доносится оттуда сдержанный говоръ уставшихъ людей, какъ-бы боящихся нарушать тишину и гармонию распростершейся надъ дремлющей землей красавицы ночи. Дѣдъ молчитъ. О чемъ онъ думаетъ? И на него, вѣроятно, дѣйствуетъ эта дивная красота. Быть можетъ онъ вспоминаетъ свою далекую молодость и, почему знать, быть можетъ не одна слеза скатывалась въ такое время изъ его добрыхъ глазъ. А озеро нѣжно плещется о песчаный берегъ, нагоняя на него валъ за валомъ, и вамъ начинаетъ казаться, что оно читаетъ вечернюю молитву Тому, кто создалъ эту дивную и вѣчную красоту и гармонию.

Съ Тополеваго мыса можно проѣхать въ Зайсанъ, до котораго не болѣе 70 верстъ. Это небольшой городокъ вполнѣ восточнаго типа, съ населеніемъ, не превышающимъ 5 тысячъ душъ. Распланированъ городъ правильно; улицы широкія, прямыя и по сторонамъ обсажены большими тѣнистыми деревьями. Дома по большей части представляютъ собою глинобитныя мазанки съ плоскими земляными крышами (совсѣмъ востокъ), хотя есть немало обыкновенныхъ деревянныхъ и даже каменныхъ домовъ.

Городъ расположенъ у подножія отроговъ Саурскаго горнаго массива, скалистыя и мрачныя вершины котораго какъ бы давятъ собою со стороны востока. Съ южной стороны, вплотную, подходят отроги Монрака, которые называются здѣсь «Кичкина Тау» (небольшія горы). На сѣверъ и на западъ, вплоть до самаго горизонта, распростерлась Зайсанская долина, та самая, просторомъ которой вы любовались, подѣзжая къ Караджилю—почти въ 300-хъ верстахъ отсюда.

Видъ города съ его мощною растительностью даетъ возмож-

ность сознавать, что находишься гдѣ-то на югѣ среди теплаго и мягкаго климата, но подобное сознание явится у васъ только тогда, когда вы вздумаете посѣтить Зайсанъ раннею весною или лѣтомъ, когда въ немъ дѣйствительно все растетъ, все зеленѣетъ и цвѣтетъ, но приѣзжайте сюда зимою и навѣрно вы будете разочарованы и никакихъ счастливыхъ иллюзій онъ не породитъ въ васъ своею внѣшностью: вы увидите тогда, что улицы его занесены глубокимъ снѣгомъ, а деревья иной разъ покрыты бѣлымъ и нѣжнымъ инеемъ, и вамъ сразу станетъ понятно, что и здѣсь свирѣпствуетъ обыкновенная сибирская стужа съ ея буранами и мятелями. Растительность же, которая ввела васъ въ нѣкоторое заблужденіе относительно мягкости здѣшняго климата, только потому здѣсь и процвѣтаетъ, что у подножія каждаго дерева течетъ по арыку вѣчно свѣжая струя, которая гонитъ кверху эти огромные тополя и даетъ жизнь многимъ садамъ, въ которыхъ произрастаютъ и фруктовыя деревья: яблоки, вишни, сливы и черешни.

Населеніе Зайсана смѣшанное: русскіе, татары и киргизы.

Тутъ же около города, на правомъ берегу рѣчки Джимины, пріютилась небольшая Зайсанская станица, отъ которой на востокъ проложена дорога въ слѣдующую, и уже послѣднюю въ этомъ направленіи, станицу сибирскихъ народовъ—Кендерлыкскую, отъ которой до границы не болѣе 25 верстъ.

Жители Зайсана занимаются земледѣліемъ; можно было бы добавить и садоводствомъ, но едва ли это будетъ правильно, потому что только два человѣка приложили въ этой отрасли свой трудъ и достигли хорошихъ результатовъ; остальные повидимому смотрятъ на это, какъ на баловство, и не считаютъ поэтому нужнымъ заниматься разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ. Нѣкоторые обыватели пробовали разводить въ Зайсанѣ виноградъ и получили, насколько извѣстно, недурныя гроздья. Но вся бѣда заключается въ томъ, что зимою очень часто бываетъ здѣсь настолько сильное солнце, что оно начинаетъ подпекать; такимъ образомъ, часть растенія, обращенная къ солнцу получаетъ отъ него теплоту и нагрѣвается, а противоположная часть (тѣневая) испытываетъ низкую зимнюю температуру окружающаго и не нагрѣтаго солнечными лучами воздуха. Подобное обстоятельство, какъ говорятъ, вредно дѣйствуетъ на соки растенія и послѣднее погибаетъ. То же самое происходитъ здѣсь и съ фруктовыми деревьями, если своевременно не принять мѣры противъ такого неравномѣрнаго полученія тепла.

Виноградныя же лозы пробовали на зиму закапывать землей, но такой способ ихъ сохраненія требуетъ большой затраты труда, въ виду чего жители въ настоящее время и отказались отъ разведенія винограда.

И земледѣліемъ то, повидимому, занимаются далеко не всѣ. Тѣ, которые занимаются, сѣютъ хлѣбъ почти исключительно для собственной потребности. Урожай большею частью получаютъ прекрасные: десятина даетъ до 150 пуд. пшеницы, до 200 мѣръ овса и столько же ярицы. Бываютъ иногда и неурожай и происходятъ они главнымъ образомъ отъ недостатка воды, безъ которой здѣсь ничто не можетъ произрастать. Послѣдніе годы Зайсанъ и его окрестности сильно терпѣли отъ саранчи, которая расплодилась тутъ въ огромномъ количествѣ, но теперь ея нѣтъ и, по словамъ жителей, она улетѣла въ верховья Иртыша.

Казалось бы, что при такихъ богатыхъ урожаяхъ населеніе Зайсана всегда могло бы быть обезпечено хлѣбомъ; на самомъ же дѣлѣ этого не бываетъ и каждый годъ сюда подвозятъ пшеницу и овесъ изъ Чугучака, а также и изъ деревень, расположенныхъ въ Алтайскихъ горахъ. Происходитъ это оттого, что жители боятся дѣлать затраты на большія запашки и, не будучи увѣрены въ томъ, что нивы ихъ дадутъ хорошій урожай, засѣваютъ малые участки съ тѣмъ, чтобы по возможности обезпечить хлѣбомъ только свои семьи, а такъ какъ многіе и совсѣмъ не занимаются земледѣліемъ, то поэтому городъ вѣчно нуждается въ подвозѣ хлѣба. По словамъ нѣкоторыхъ обывателей, въ тѣ годы, когда близъ города свирѣпствовала саранча, а въ деревняхъ по Алтаю былъ недородъ, они были поставлены въ безвыходное положеніе и, только благодаря усиленному подвозу китайскаго хлѣба изъ Чугучака, имъ удалось избѣгнуть кризиса.

Верстахъ въ 50 отъ Зайсана, въ Саурскихъ горахъ, открыты каменноугольныя копи. Уголь получается оттуда черный, по качествамъ своимъ близко подходящій къ антрациту, и бурый, который хотя и горитъ хорошо, но оставляетъ много золы кромѣ неогораемыхъ частей. Пласть угля обнаженъ на дневной поверхности, такъ что разработка его не должна представлять особенныхъ затрудненій; вся бѣда въ доставкѣ угля: нѣтъ дороги, вслѣдствіе чего количество доставляемаго въ городъ угля не покрываетъ даже мѣстной потребности, а между тѣмъ, по словамъ свѣдущихъ людей, уголь настолько хорошъ, что ради него можно было бы затра-

тятся на проложене хорошаго пути, тѣмъ болѣе, что таковой придется прокладывать только отъ Кендерлыкской станицы; до этой же послѣдней, на протяженіи 25 верстъ, уже проложена прекрасная дорога.

Л. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

